

М. М. Гельфонд

ТРИЛОГИЯ АЛЕКСАНДРЫ БРУШТЕЙН «ДОРОГА УХОДИТ ВДАЛЬ...»: ИСТОРИЯ, ЗАМЫСЕЛ, ВОПЛОЩЕНИЕ

В статье рассматривается соотношение реальных исторических событий и их интерпретации в автобиографической трилогии А. Я. Бруштейн «Дорога уходит вдаль», а также — «движение замысла» трилогии от дневниковых записей двенадцатилетней Саши Выгодской до окончательного формирования текста. Статья основывается на материалах личного архива А. Я. Бруштейн и национального исторического архива Литвы, которые вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Александра Бруштейн, «Дорога уходит вдаль», реальный комментарий, Выгодские, самоцензура, творческая история, «Голубое и розовое», «Страницы прошлого».

Трилогия А. Я. Бруштейн «Дорога уходит вдаль» является одним из важнейших текстов русской литературы XX в. как для подростков, так и для взрослых читателей, принадлежащих к среде советской и постсоветской интеллигенции. Написанная в конце 1950-х гг. (первая часть книги в 1955 г., последняя закончена в 1959), «Дорога...» была книгой не только подцензурной, но и абсолютно лояльной по отношению к советской власти. Она неоднократно переиздавалась, однако, несмотря на немалую популярность как во взрослой, так и в подростковой среде, на протяжении полувека оставалась книгой для семейного чтения, то есть существовала вне школьных программ и крайне редко включалась в рекомендательные списки. При этом в читательском сознании трилогия А. Я. Бруштейн практически сразу обрела особый статус книги, заповеди которой стали жизненной основой для нескольких поколений интеллигенции.

Опыт множества читателей свидетельствует о том, насколько важную роль сыграла трилогия в формировании их мировоззрения. Так, в 2009 г. в Живом Журнале было основано сообщество с характерным названием «lyudi_knigi» (около 800 участников), главной целью которого стало восстановление реалий, связанных с изображенными А. Я. Бруштейн событиями, прототипами книги и судьбами ее главных героев. Участниками сообщества было сделано

немало открытий, которые позволили подготовить исторический и реальный комментарий к трилогии. Одним из основных направлений поиска стало восстановление прототипов и прототипических ситуаций, поскольку трилогия, являясь автобиографической, не представляется мемуарной в точном смысле этого слова: некоторые фамилии изменены, ситуации сконтаминированы, а исторические события показаны под тем углом зрения, который в период работы над книгой представлялся автору единственно правильным.

В центре повествования находится семья Яновских (настоящая фамилия Выгодские). Реальная история этой семьи чрезвычайно интересна, и трилогия А. Я. Бруштейн раскрывает ее лишь отчасти. Так, отец автобиографической героини, Яков Ефимович Яновский, изображен в книге как незаурядный врач, человек, полностью поглощенный своей работой. Он действительно был первым профессиональным врачом-гинекологом в Вильно, автором ряда медицинских научных работ. Но это лишь одна из сторон его личности и деятельности: как отмечает Ш. Гельцер¹, с конца 1890-х гг., то есть непосредственно в тот период, который изображен в последней части трилогии, он был лидером виленского еврейства, главой еврейской общины. Именно в этом качестве он впоследствии был вынужден представлять за евреев перед немцами во время Первой мировой войны, был арестован и выслан в лагерь военнопленных, в котором провел более тринадцати месяцев (об этих событиях он рассказывает в книге «Ин штурм» — «В грозу»; подлинник на идиш, 1926 г.). Перед Второй мировой войной он был председателем антигитлеровского комитета Вильно, а после советизации Литвы, в 1940 г., обратился к И. В. Сталину с просьбой о сохранении на территории республики школ с преподаванием на иврите. В трилогии А. Я. Бруштейн отец изображен как последовательный атеист: так, он объясняет девятилетней дочери, что «у нас с боженькой разделение труда, вместе не лечим» [Бруштейн 1987, с. 64] (хотя потом, разумеется, лечит — и спасает — несчастную Юльку, дочь прачки Анели Ивановны, набожной католички). В действительности его религиозные взгляды были совершенно иными. В своей автобиографической книге он писал:

Я родился в 1856 году в хасидской семье в Бобруйске. Был старшим из моих семи братьев. До 14 лет я воспитывался в глубоко религиозном духе любавических хасидов. Учился в хедере. ... До десяти лет я был известным в городе хулиганом. Однако с того времени я попал под влияние выдающегося раввина Абрама Бер Иермигуд, гениального талмудиста и блестящего знатока каббалы, который был

Яков Ефимович Выгодский

полностью отключен от мирских забот. Под его влиянием я стал глубоко и всесторонне изучать религию. Он отстранил меня от обыденной жизни и сделал знатоком хасидского и кабалистического учений. Он так глубоко посеял в меня еврейство, что никто потом не мог оторвать меня от него [Выгодский, 1923].

Разумеется, что в книге, написанной в советское время, даже в период «оттепели», разговор о сионизме отца был бы невозможен. Фигура умолчания в разговоре о его мировоззрении и судьбе маркирована, видимо, следующим образом: «Скажу здесь к слову. С тех пор прошло более шестидесяти лет, и я свято чту память о моем отце. Он прожил долгую, хорошую жизнь, он не раз совершал поступки, которые можно смело назвать героическими (об этом я расскажу в другой книге), он умер, презирая своих палачей, не унижившись перед ними ни на секунду» [Бруштейн 1987, с. 42]. «Другая книга» не была написана, и в архиве писательницы не сохранилось ее набросков. Трудно определить однозначно, в какой мере это умолчание вызвано опасением внешней цензуры и в какой — самоцензурой.

Вместе с тем именно история гибели отца, о которой рассказано в трилогии, стала одним из первых свидетельств о холокосте в советской детской литературе. Более того, сама трилогия в значительной степени создана именно как памятник отцу. Тональность этого памятника задается уже в начале первой части трилогии: «Папа мой, папа!.. Через пятьдесят лет после этого вечера, когда мы с тобой “кутили”, тебя, 85-летнего старика, расстреляли фашисты, занявшие

Слева: семья Выгодских. Справа: Саша Выгодская.

наш город. Ты не получил даже того трехаршинного домика, который тебе сулила Юзефа, и я не знаю, где тебя схоронили. Мне некуда прийти сказать тебе, что я живу честно, никого не обижаю, что я тружусь, и хорошие люди меня уважают... Я говорю тебе это — здесь» [Бруштейн 1987, с. 78].

В архиве А. Я. Бруштейн сохранилась книга А. Суцкевера «Виленское гетто» с многочисленными пометками писательницы. Известно, что она встречалась и с Шошаной Гельцер, автором статьи о ее отце. Однако неизвестно, знала ли она в период работы над книгой достоверную историю гибели своих родителей. Так, по свидетельству Л. Д. Болотовой, родственницы Бруштейн, она просила своего внука с женой, отправлявшихся в Вильнюс в конце 1950-х, поехать в Понары (Понеряй) и поклониться праху ее родителей. В действительности же и Яков Выгодский, и его жена были уничтожены не в Понарах. Яков Ефимович скончался в Лукишской тюрьме, и о последних днях его жизни рассказывается в воспоминаниях Ружки Корчак — узницы Виленского гетто:

Выгодскому восемьдесят пять лет, и он не клонит головы перед насилием. 24 августа его забрали и увезли в Лукишки. Больше его не видели. Сокамерник, выпущенный впоследствии, передал его последний привет и подробности о том, как обращались с Выгодским в застенке. Тяжелобольной старик лежал, изнывая от страданий, в углу, который с великим трудом удалось для него освободить в забитой до отказа камере, куда немцы натолкали 75 заключенных. К нему не допустили врача, запретили оказывать какую-либо помощь, но он еще находил

силы ободрять сидящих с ним евреев, пытался рассеять их отчаяние. Он был самым мужественным из них, а потом, когда их забрали из камеры, остался там один-одинешенек. Кто-то хотел оставить ему свое пальто. Выгодский отказался: ему, мол, оно уже не понадобится, а другим, может, еще принесет пользу. Так в немом одиночестве, на стылом тюремном бетоне, в муках ушел из жизни заступник евреев «литовского Иерусалима» Яков Выгодский [Корчак Р. 1977].

Его жена Елена Семеновна после ликвидации Виленского гетто была отправлена в Трешлинку и уничтожена там.

Яков Ефимович Выгодский был старшим из семерых братьев. Судьбы их очерчены в книге пунктирно, однако некоторые подробности их жизни удалось восстановить на основании Памятных книжек Вильны и Санкт-Петербурга, а также — воспоминаний родных. Так, Гавриил Выгодский, доктор-офтальмолог, на момент действия книги ассистент профессора Донберга («Гане очень посчастливилось: его взял к себе в ассистенты известный окулист, профессор Донберг» [Бруштейн 1987 с. 393]), позже стал владельцем частного госпиталя, как и его старший брат, много лечил бедных бесплатно. Незадолго до нее он женился на певице Берлинской оперы Раисе Патруховской. Революцию он приветствовал, однако вскоре после нее его госпиталь был национализирован, а от репрессий Гавриила Выгодского и его семью спасло только то, что он лечил Кирова и других партийных деятелей Ленинграда. Характерно, что в трилогии никак не намечены судьбы братьев отца после революции: сказано лишь о гибели двух младших — Тимофея и Абрама — в ленинградскую блокаду.

Благодаря Памятным книжкам Каменец-Подольской губернии удалось восстановить и прототип деда А. Я. Бруштейн по материнской линии². В трилогии Саша говорит о нем, что он был «действительный статский советник, значит, полный генерал», что вызывает естественное удивление мадам Бурдес: «Еврей — и генерал? Он что же, выкрестился?» [Бруштейн 1987 с. 578]. Согласно Памятным книжкам на 1885 г., Семен Ядловкин был коллежским советником (что соответствовало чину полковника), но в 1901 г. жительница Петербурга Мария Абрамовна Ядловкина числится уже вдовой статского советника (этот гражданский чин не имел военного соответствия). Если в трилогии А. Я. Бруштейн сосредотачивает свое внимание на его деятельности военного врача, героя русско-турецкой войны, то в мемуарной книге «Страницы прошлого» она рассказывает о его страсти к театру и помощи актерам:

Еще дедушка мой был постоянным театральным врачом в г. Каменец-Подольске. Должность театрального врача всегда и везде была бесплатная. Врач лечил

заболевших актеров и присутствовал во время спектакля в зале на случай внезапной болезни кого-либо из исполнителей, или посылал вместо себя другого врача. ... Дедушка не только лечил актеров, — он помогал им деньгами, хлопотами, связями среди местной интеллигенции, он устраивал сборы и подписки в пользу актеров, заболевших или терпевших нужду. Весь театральный реквизит для спектаклей театр брал у дедушки, — скатерть, занавеску, диван, ковер, буфет, сервиз, военный мундир (дедушка был военным врачом). Бывали вечера, когда чуть не половина обстановки и вещей из дедушкиной квартиры оказывалась унесенной в театр [Бруштейн 1952, с. 107–108].

Памятные книжки Оренбургской губернии и архив А. Я. Бруштейн позволили в общих чертах восстановить и судьбу его сына, Михаила Семеновича Ядловкина, «баловня» дяди Миши, яркого и разностороннего человека с несложившейся судьбой: «А Миша — он с малых лет привык, что он потомственный дворянин, и папа у него орденами обвешан, как елка игрушками, и все двери перед ним открыты, и что ни пожелаю — все делается!» [Бруштейн 1987 с. 578]. Интересно, что его дочь Галина смогла найти свою двоюродную сестру Александру Бруштейн именно после публикации трилогии (в архиве Бруштейн сохранилось несколько ее писем, рассказывающих об истории уже младшего поколения семьи)³.

Архивные материалы отчасти позволяют восстановить и судьбы некоторых изображенных в книге институтских подруг Саши. И здесь мы также сталкиваемся со своеобразной зоной умолчания. Больше всего известно о Лиде Карцевой, прототипом которой была Мария Владимировна Картавцева. Ее отец, юрист Владимир Эпафродитович Картавцев был родным братом мужа писательницы Марии Всеволодовны Крестовской, а двоюродными тетями Лиды Карцевой (Марии Картавцевой) по матери были Мирра Лохвицкая и Надежда Тэффи. Последняя не упомянута в романе, и в разговоре о тетках-писательницах возникает легко восстанавливаемый пробел. Правда, объяснить его можно не только эмиграцией Надежды Тэффи, но и тем, что первая ее публикация состоялась позже, нежели приведенный в «Дороге...» разговор девочек⁴. Имя Марии Владимировны Картавцевой есть в списках выпускниц Смольного института на 1901 год. Известно, что впоследствии она окончила Высшие женские курсы, была сестрой милосердия во время русско-японской войны, вышла замуж за некоего Рознатовского. Преподаватель словесности Смольного института Демидов, бывший, судя по записям А. Я. Бруштейн, прототипом жениха Лиды Денисова, умер в 1901 г. от болезни глаз⁵. Неизвестно, как сложилась дальнейшая

судьба Марии Картавцевой — умолчание вкупе с упоминанием о редких встречах может свидетельствовать как о ее эмиграции, так и о том, что, оставшись в СССР, она была репрессирована. К сожалению, пока не удалось восстановить подлинное имя другой выпускницы Смольного — Тамары Хованской и ее брата Лени; нет на сегодняшний день точных сведений и о прототипе Ивана Константиновича Рогова. По всей вероятности, настоящая фамилия Мани Фейгель — Фейгина (в записях А. Я. Бруштейн она названа Мириам); в списках выпускников Виленской мужской гимназии есть ее брат Мордко Фейгин, участник Киевского бунта студентов, также отчасти описанного в книге⁶.

Одним из наиболее сложных вопросов при составлении исторического комментария к книге является вопрос о прототипе Павла Григорьевича Розанова — домашнего учителя Саши, талантливого студента-медика, революционера, одного из участников знаменитого «якутского протеста». Приведенный в первой части трилогии рассказ Павла Григорьевича (в предисловии 1939 г. к пьесе «Голубое и розовое» домашний учитель Саши назван Марком Исаевичем) о бунте и казни революционеров во многих значимых деталях совпадает с воспоминаниями Осипа Соломоновича Минора — единственного, насколько нам известно, участника трагедии, жившего в Вильно. Но надо отметить, что он поселился в Вильно в 1900 г., тогда как согласно трилогии этот рассказ относится ко времени поступления Саши в институт, то есть ориентировочно к 1894 г. Близки эти воспоминания и стилистически:

И вот мы, группа из нескольких десятков ссыльных, идем из Петербурга в Якутск. Идем по этапу, то есть почти исключительно пешком. Путь не близкий, десять-пятнадцать тысяч верст... Рядом с нами едут телеги — «фуры» с нашими вещами. Заболевшим или вконец измученным ссыльным иногда разрешается присесть на такую фуру. Так идем мы не дни, а месяцы, много месяцев, почти год... На фурах ехали с нами не только вещи, на них следовали за мужьями в ссылку жены с детьми, невесты... [Бруштейн 1987, с. 119]

Теперь подумайте, что по такому пути нас заставляют немедленно ехать за 3.000 верст! Купить пищи по дороге нельзя ничего, все приходится брать с собой с расчетом, чтобы хватило на 2 месяца. Отдыхать по дороге приходится в пустых юртах, насквозь замороженных 50-ти градусными морозами. Ехать на оленях тяжело, ибо маленькие саночки — нарты приспособлены для легкой езды по снегам, на них ни усесться, ни закрыться невозможно...

Среди нас были женщины, некоторые в таком положении, что пути им решительно не вынести; были больные, слабые⁷.

Александра Яковлевна Бруштейн в годы работы над трилогией

Весьма вероятно, что эту историю Александра Бруштейн (тогда еще Выгодская) могла слышать именно от Осипа Минора. Косвенным подтверждением этого является и тот факт, что участников «якутского протеста» начали выпускать только в 1895 г. и только в Читу, а в европейской России все они оказались двумя-тремя годами позже, то есть быть участником «якутского протеста» учитель Саши никак не мог, и, вероятнее всего, она узнала об этом деле уже ближе к окончанию института. В том случае, если она действительно узнала о нем от Осипа Минора, то упоминание о нем — эсере и эмигранте — в советской подцензурной книге было невозможным.

Но если здесь об умолчании мы можем говорить лишь предположительно, то в разговоре о судьбе сына одного из казненных — Матвея Когана-Бернштейна, «голубенького сынишки Митюшки» из предсмертного письма Льва Когана-Бернштейна — перед нами явная недоговоренность: в 1918 г. он был арестован большевиками как эсер и расстрелян. Письма его сводной сестры и невесты, Фаины Коган-Бернштейн, сохранившей оригиналы предсмертных писем участников «якутского протеста», найдены в архиве А. Я. Бруштейн в РГАЛИ; работа с архивом Ф. А. Коган-Бернштейн, вероятно, позволит прояснить еще какие-то обстоятельства «якутского протеста».

Таким образом, можно говорить о том, что «Дорога уходит вдаль», безусловно, является важнейшим мемуарным свидетельством, отразившим реалии жизни Вильно и шире — России в целом — в конце XIX — начале XX века. Достоверность книги, ее связь

со множеством значимых лиц и событий рубежа веков подтверждают необходимость полного комментария к книге. И вместе с тем воссоздание исторических и биографических реалий акцентирует один из важнейших конфликтов, возникавших в сознании любого подцензурного советского писателя. Речь идет о конфликте между тем, что необходимо, и тем, что возможно высказать, спровоцированном не столько внешними причинами, сколько, в значительной степени, самоцензурой, установкой на заведомую неполноту высказывания. И в этой связи особую важность обретает диалог героини с отцом о компромиссе во второй части трилогии:

Без папы некому напомнить мне о том, что в жизни надо говорить одну только правду. Да и опыт первого дня ученья уже показал нам с папой, что в институте надо говорить правду лишь с оговоркой: «Если это не повредит моим подругам!» Это компромисс, говорит папа, то есть отступление от своих правил, уступка жизни. Когда-нибудь, думает папа, компромиссов больше не будет — будет одна правда и честность.

— А скоро это будет?

— Может быть, и скоро...

Папа говорит это так неуверенно, как если бы он утверждал, будто когда-нибудь на кустах шиповника будут расти пирожки с капустой. [Бруштейн 1987 с.240]

Одна из загадок, связанных с автобиографической трилогией А. Я. Бруштейн «Дорога уходит вдаль», состоит в том, что она представляется стоящей особняком и никак не подготовленной предшествующим творчеством писательницы. Множество произведений, созданных А. Я. Бруштейн (более шестидесяти пьес, театральные мемуары «Страницы прошлого», четыре автобиографических повести), позволяют говорить о ней как о добросовестном, но весьма среднем авторе «литературы советского прошлого»⁸. Автобиографическая трилогия на этом фоне резко выделяется. И в плане поэтики, прежде всего жанровой, соединяющей черты мемуарной прозы и «романа воспитания», и по глубине поставленных проблем, и по уровню осмысления действительности, который делает ее характерной — и в то же время одной из лучших советских книг периода «оттепели». Вот почему нам представляется важным прояснить вопрос о творческой истории книги, «движении замысла» и ступенях его развития.

Работа с наследием писательницы (как опубликованным, так и хранящимся в архивах) позволяет выделить несколько основных стадий движения к автобиографической трилогии. Попробуем их наметить и по возможности охарактеризовать каждый этап.

Первым шагом к будущей трилогии является, вероятно, хранящийся в РГАЛИ дневник двенадцатилетней Саши Выгодской. Среди его героев уже есть будущие персонажи книги, впрочем, главным образом, эпизодические: будущий композитор Максимилиан Штейнберг, его сестра Диночка. Однако сближает дневник и «Дорогу...» не столько это, сколько приближение героини дневника к будущей героине книги. Наивная рефлексия двенадцатилетней девочки, присущая дневниковым записям, воссоздается впоследствии в автобиографической трилогии. Повествование ведется от лица девочки (в начале трилогии — девятилетней, в конце — шестнадцатилетней), и лишь изредка в него вкрапляется ретроспективная оценка взрослого, прожившего непростую жизнь автора. Этой же наивной рефлексией, стилистически предвосхищающей «Дорогу...», исполнен дневник:

Начиная свой дневник, я нахожусь в большом затруднении: описать ли мне себя или нельзя? Ведь дневник мой может попасться в руки постороннему лицу, которому не безынтересно будет узнать, кто его писал. Так и быть, напишу. Зовут меня — Александра Яковлевна Выгодская, мне 12 лет. Я учусь в институте, перешла уже в четвертый класс. Всегда бываю первой ученицей, перехожу каждый год с первой наградой. Должно быть, бог дал мне отличные способности вместо красивой наружности, потому что этой последней я похвастаться не могу. Я, действительно, некрасива: шатенка с косо поставленными карими глазами, толстым носом, краснощекая, с довольно толстыми пунцовыми губами — вот мой портрет. Я — единственная дочь папы и мамы. У меня есть еще брат Сеня, 4 года. Он красивый мальчуган, блондин, с золотыми локонами, с черными глазами, небольшим ротиком, таким же носиком, красиво сложен — вот его портрет. В семье нас очень любят и балуют. Еще несколько слов обо мне: я — большая хохотунья, люблю всякую музыку, кроме своей, хорошо говорю по-французски, довольно хорошо играю в крокет, очень люблю читать, но по близорукости не могу подолгу предаваться этому занятию...

Приведем еще один фрагмент из этого дневника:

Дорогой мой дневник! Ты не можешь себе представить, какое облегчение доставляешь сегодня. За эти несколько дней я передумала столько, сколько не передумать и в пятьсот лет. Положим в 500 лет передумать-то можно, но, кроме шуток, я действительно очень много думала — и додумалась! Мне непременно хочется посвятить всю свою жизнь на служение ближнему моему. «Жизнь дана на добрые дела». Ведь известно, что в России коренные ее жители грубы и необразованны, а пришельцы, подобно нам, евреям, угнетаемы коренными. Отчего не отдать своей жизни на просвещение бедного, изнемогающего под бременем, происходящих из пороков? Отчего не отдать ее на то, чтобы исцелять этот народ, который невежественные деревенские знахари и знахарки убивают своими снадобьями? Человек, которому суждено прочесть мой дневник, не скажи, что глупо и безрасудно помогать также врагам своего народа, его притеснителям! Все люди братья! Все созданы одним Богом, Богом, для которого все равны! Солнце светит одинаково, как для еврея, так и для христианина, как для христианина, для магометанина, для язычника! Люби ближнего как самого себя!

Истинное счастье — помогать счастью ближнего, радоваться его счастью, как и своему. (Боже, какими я фразами пересыпаю свой дневник! Мне даже смешно стало, когда я перечла! Я, хохотунья, шалунья, вдруг такие громкие слова! Но не нужно забывать, что я написала все это в порыве вдохновенья)⁹.

Соединение серьезности на грани патетики и иронии, постоянное переключение из одного модуса в другой, которое мы видим в дневнике двенадцатилетней Саши Выгодской, станет впоследствии одной из определяющих черт поэтики «Дороги...». Но дневник является не единственным документом ученических лет, сохранившимся в архиве писательницы. В нем есть стихи Люси Суцевской (видимо, именно это имя героини подлинное, хотя в одном из черновых вариантов трилогии она была названа Нютой Елагиной). Хранится в архиве и рукописный журнал «Гимназист», хотя невозможно точно установить, принадлежит ли его авторство Саше Выгодской и ее подругам (в дневнике упоминается еще и рукописный журнал «Погулянский вестник»)¹⁰. В отличие от дневника будущей писательницы их важность состоит в том, что это не столько личные документы, сколько общее свидетельство обстановки провинциальной гимназии. Отметим, что работа с документами Национального Исторического архива Литвы также подтверждает подлинность многих ситуаций, запечатленных в книге, и позволяет прорисовать тот общий фон, на котором разворачивается история семьи Выгодских и действие книги в целом. Это «Дело о службе инспектора Еврейского Учительского института Штенберга Овсея» (отца Максимилиана и Валентины, 1895)¹¹, «Дело о запрещении принудительного посещения в учебных заведениях учениками-иноверцами православных богослужений» (1897). «Переписка с учебными заведениями Виленского учебного округа по поводу напечатанного в №151 газеты «Гражданин» за 1888 год сообщения из города Вильны об исключении ученика за разговор на польском языке» позволяет прокомментировать разговор Саши с Олесей Мартышевской и Лаурентиной Микошей: «И вот сейчас, — ты сама видела, Саша! — нам, полякам, нельзя говорить на своем родном языке... Только по-русски!» [Бруштейн 1987, 276]. Эпизод, когда Сашу и ее одноклассниц начальница Александра Яковлевна Колодкина хочет исключить за помощь их одноклассникам и трактует это как открытие тайной школы неожиданно подтверждается целым рядом дел «О закрытии тайных школ и привлечении лиц, открывших их, к ответственности» (1894)¹², а эпизод с передачей ученицам сестрой учителя Горехова экзаменационных заданий — «Отзывами о письменных

работах по алгебре и геометрии, исполненных учениками на испытание зрелости» (1901)¹³.

Но вернемся к замыслу трилогии. К ее ранним претекстам можно отнести и стихотворение юной Саши Выгодской, написанное в год окончания института. Приведем текст в сокращении:

Еще немножечко терпенья —
И настужь скучная тюрьма!
Покинем мы в одно мгновенье
Сей храм науки и ума.

Как стая легкой вешней птицы,
Почуяв волю, мы вспрянем,
И вам, о двойки, единицы,
Навек "addio!" пропоем.

.....
Прощайте, други-педагоги,
И ты, докучливый звонок,
И даже — да простят мне боги -
Прощай сортирный уголок!

.....
Мы в море жизни плыть готовы,
Прощай, синявок темный рой,
Что усмиряли так сурово
Наш безобидный визг и вой!

Прощай, Буренин и Малинин,
Нам не зубрить вас никогда!
Прощай, Пожарский, храбрый Минин
И Иловайского бурда!

Прощайте вы, Конде и Гизы,
Прощай, Расин, прощай, Мольер,
Любовь и муки «бедной Лизы»,
И Аллендарь, и сам Мозер!

.....
Прощайте все! От вас уходим,
Разбив мильоны детских грез,
Навстречу жизненным заботам
В пучину зла и море слез.

Оно бездонно — это море,
Как бури топят корабли,
Так в этом море злое горе
Надежды топит и мечты.

Но нам не страшны эти бури,
Мы свежих, юных сил полны,
Помчимся по морской лазури,
Не опасаясь злой волны!

Прощайте же, ученья годы!
Прощай, зубрения пора!
Приемлет нас пора свободы!
Смелее в путь! Ура! Ура!
1.02.1901¹⁴

В последующие три с лишним десятилетия А. Я. Бруштейн, по всей вероятности, практически не возвращалась к впечатлениям своего виленского детства¹⁵. Следующий этап в движении замысла связан с пьесой «Голубое и розовое»: она была написана в 1935 г., поставлена в Третьем московском театре для детей в 1936 г., впервые вышла отдельным изданием в 1939 г. и затем несколько раз переиздавалась. Предисловие к первому изданию пьесы в значительной степени представляет собой автобиографический очерк, фрагменты которого затем в измененном виде войдут в «Дорогу...»:

Бывают страшные сны. Например: гонится за тобой кто-то враждебный и страшный, настигает, дышит в затылок, хочет схватить... Какая радость — проснувшись, увидеть доброжелательные знакомые обои, услышать братский голос радиодиктора, начинающего новый день! И какой вздох облегчения: «Это был сон!»

Такие сны знаю и я. И самый страшный из них: мне снится гимназия, в которой я училась ребенком.

Мне снится, что мама ведет меня на приемный экзамен в гимназию. Я — маленькая, мне восемь лет, но в этот день я — старая и безрадостная, как моя бабушка. Я так боюсь предстоящего мне экзамена, что меня даже тошнит. Я сжимаю мамину руку — мама отвечает мне, но ее пожатие говорит о том, что и она боится за меня до дурноты.

Нас провожает до гимназии Марк Исаевич — студент, подготовивший меня к экзамену. Я знаю, что Марк Исаевич очень смелый человек. Его выслали в наш город под надзор полиции за то, что он бунтовал вместе с другими студентами против царя. Казаки разогнали их демонстрацию, топча их копытами коней, избивая нагайками. Но сегодня Марк Исаевич тоже волнуется за меня...

По программе девочки, экзаменующиеся, как я, в подготовительный класс, должны только «уметь списывать с книги и считать до ста». Но это — программа для всех. А для меня — еврейской девочки — твердой программы нет. Я должна знать все, о чем бы меня ни спросили, а спросить меня экзаменаторы могут, о чем им вздумается. И я иду экзаменоваться в подготовительный класс, подготовленная Марком Исаевичем, как в третий. При этом я холодею от ужаса: а вдруг меня спросят что-нибудь, как в четвертый? Мысленно я повторяю себе, что такое первый меридиан, чем торгует город Бенарес в Индии, каков признак делимости на три и какие дети были у русского князя Всеволода Третьего Большое Гнездо...

Я учусь в гимназии. В ней невозможно никакое маркисаевичевское «спокойненько». С утра я радостно волнуюсь: а может, я за ночь чем-нибудь заболела и мне можно не пойти в гимназию? Потом я огорчаюсь оттого, что я здорова и, значит, идти необходимо. В гимназии я боюсь классной дамы и учителей, боюсь наказаний, боюсь письменной работы, боюсь насмешек подруг над моим

платьем, сшитым «на рост». У меня нет папы с собственным выездом и кучером, нет часиков, брошечки или колечка — я ни в ком не вызываю уважения! Кроме того, я еще, оказывается, отвечаю за то, что «жиды Христа распяли», и за фразу из учебника географии Смирновского, где сказано про Бердичев: «Грязный город — населен евреями».[Бруштейн 1939, с. 5–6]

Отношение к дореволюционной гимназии, в которой происходит действие пьесы (ее прообраз — Высшее Виленское женское Мариинское училище) и в очерке предисловия, и в самой пьесе предстает однозначно негативным. Так, институтской дружбе девочек, составляющей один из наиболее важных мотивов автобиографической трилогии, противопоставлена здесь атмосфера всеобщей травли, жестокого антисемитизма, в трилогии связанного лишь с официальной, но не повседневной стороной жизни.

Среди действующих лиц пьесы появляются вполне узнаваемые будущие персонажи «Дороги...»: инспектриса Жозефина Игнатьевна Воронец (Ворона), классная дама Софья Васильевна Борейша (Мопся), учительница танцев Лидия Дмитриевна, ученицы старших классов Ярошенко (в трилогии ее мама — хозяйка ателье, где испортили платье мадам Бурдес), Певцова (в книге сестра будущего актера Иллариона Певцова), Аля Шеремет и Тоня Хныкина. Отдельные эпизоды и сцены впоследствии почти без изменения будут перенесены в трилогию: эпизод издания рукописных журналов «Гимназист» и «Незабудки», диалог об обожании старшеклассниц, сцена наказания в танцевальном зале, избиение казаками демонстрантов.

По отношению к творческой истории «Дороги...» анализ этих сцен позволяет сделать два вывода. Во-первых, движение замысла Александры Бруштейн шло по направлению *от периферии к центру*: в пьесе и театральных мемуарах «Страницы прошлого» подробно прописан общий фон жизни провинциального города и учебы в гимназии. Речь идет именно о деталях, создающих атмосферу: всеобщая томительная скука (чтобы развлечься, девочки играют на воображаемые плитки шоколада в «голубое и розовое» — отсюда и название пьесы), гимназическое обожание младшими старших или учителей, многоязычие города, находящегося на бывшей польской территории и в черте оседлости. Во-вторых, в эпической книге при сопоставлении ее с пьесой-претекстом, отчетливо проявляется *драматическое начало*. Организация сцен, диалогов, замечания повествователя, часто напоминающие ремарки — все это указывает на то, что Александра Бруштейн представляла себе фрагменты автобиографической трилогии именно как сцены пьесы. Да и сама смена эпизодов, «переключение»

интонаций, о котором говорилось выше — очевидное наследие драматургического опыта писательницы.

Анализ пьесы «Голубое и розовое» позволяет прийти к тому выводу, что главное отличие пьесы от трилогии — в яростном революционном пафосе первой. Здесь все акценты расставлены однозначно: гимназия — ненавистная тюрьма, Блюма и Ионя — жертвы, Женя и Нянька — будущие борцы революции. При всей яркости диалогов, точности деталей, меткости характеристик здесь нет или почти нет одного из главных слагаемых «Дороги...» — той *атмосферы человеческого*, которая доминирует и в семье Яновских, и во взаимоотношениях институтских подруг.

О своей семье Александра Яковлевна не писала долго. Вероятно, причина этого связана с внутренним запретом, и, может быть, чувством вины: покидая Вильнюс 22 июня 1941 г., она не смогла или не решилась увезти с собой родителей. В архиве писательницы сохранился недатированный очерк о ее предвоенном приезде в Вильнюс, в котором она, видимо, впервые решается написать о своих родителях¹⁶. В очерке описан «камень» у железной дороги — важнейший символический элемент трилогии, старый дом, в котором происходит действие последней книги трилогии (семья Выгодских, в романе Яновских, переехала в него в 1899); среди персонажей очерка появляется постаревшая Юзефа — бывшая няня Саши, с любовью описанная в книге. Иначе, в сравнении с «Дорогой...», раскрывается и образ матери: в трилогии она несколько заслонена фигурой отца, в очерке же наделена тонким остроумием, щедростью, особой пронизательностью: она как будто предвидит свою судьбу и судьбу семьи, хотя и не говорит об этом открыто. Этот неопубликованный очерк, как нам кажется, впервые сформировал ту главную тему, которая определит потом структуру трилогии — взросление человека на перекрестке путей семьи и «большой истории»:

Мы так много говорим, и смеемся, и плачем, и восхищаемся, и целуемся, что нужна разрядка — и мы снова пьем чай, который мама кипятит уже в электрическом чайнике.

Юзефа ходит, грустная.

— Что с вами, Юзефочка?

— Я, пани, в жалобе (в трауре)...

— По ком, Юзефа?

— По Варшаве...

Папу укладывают в гостиной — за ширмой. Мы втроем спим в кабинете.

Я не сплю всю ночь. Сначала думаю, что это — от радости. Потом сообщаю, что это от черемухи в большой вазе, — выношу ее в переднюю. Но и после этого — не сплю.

Так не сплю я потом, все шесть недель.

Но пока это еще — первый вечер. 9-ое мая. Через четыре года в этот день будет День Победы — капитуляция немцев, салют из тысячи орудий. Но до этого пройдет еще четыре года¹⁷.

В письме Е. С. Гинзбург, вскоре после прочтения рукописи первой части «Крутого маршрута», А. Я. Бруштейн писала: «Но есть еще одна сторона в Ваших воспоминаниях, о которой невозможно умолчать. Жорж Санд говорила: “Книга — это, прежде всего, человек, ее написавший. Если этого нет — это не книга, это ничто” <...> Ж. Санд определенно имела в виду то, неразлучное с настоящим писателем личное, неотделимое от него, как дыхание, которое непременно должно быть в книге...»¹⁸. Безусловно, эти слова опирались на жизненный и творческий опыт самой Александры Яковлевны Бруштейн. Долгий замысел трилогии удалось воплотить не сразу. Книга «Дорога уходит вдаль» *состоялась*, обрела живое дыхание именно тогда, когда в ее центре оказался человек, ее написавший, и трагическая история ее семьи и города ее детства. И необходимым условием этого стал «глоток свободы», данный «оттепелью».

Примечания

¹ Гельцер Ш. Жизнь и деятельность доктора Якова Выгодского. URL: <http://www.look-catalog.org/click.php?id=6322&url=6322&PHPSESSID=e6a50a062d8183f233383164eddb276d>

² Прототип доктора Яблонкина был установлен участницей сообщества Аллой Старковой. См. об этом: URL: <http://lyudi-knigi.livejournal.com/50719.html> (дата обращения: 17.06.2014).

³ Адрес-календарь и памятная книжка по Оренбургской губернии на 1901 г. Стр. 22 (URL: <http://orenlib.ru/index.php?dn=elbibl&to=open&id=446>). В 1908 г. М. С. Ядловкин уже числится коллежским советником в Оренбурге, а в 1909 г. его переводят в Плоцк, где он становится непрямым членом Варшавского отделения Крестьянского Поземельного банка, руководил которым Евгений Эпафродитович Картавец — дядя Марии Картавцевой (в книге — Лиды Карцевой). Отмечено И. Э. Бернштейном.

⁴ Умолчание, связанное с Надеждой Тэффи, было отмечено участником сообщества Рафаэлем Шустеровичем. С. об этом: URL: <http://raf-sh.livejournal.com/191956.html> (дата обращения: 17.06.2014).

⁵ Список выпускниц Смольного института:

1. Выпуск: 70 (1902 г.)
2. Номер: 10
3. Титул: —
4. Фамилия: Картавцева
5. Имя: Мария
6. Отчество: Владимировна
7. Рождение: —
8. Смерть: —

9. Детали: дочь ст. сов. Владимира Эпафродитовича; окончила сь шифромь; потомь окончила Высш. Женск. Курсы; была сестрой милосердия вь Русско-Японскую войну; замужемь за Рознатовскимь.

⁶ Фейгин Мордко (золотая медаль); год выпуска — 1892 (URL: <http://www.petergen.com/history/willgim.shtml>)

⁷ Минор О. С. Это было давно... (Воспоминания солдата революции). URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_m/minor0.html (дата обращения 17.06.2014). Подробнее о «якутском процессе» см. [Гуревич]

⁸ Мы используем в данном случае определение, введенное М. О. Чудаковой [Чудакова 2001].

⁹ Бруштейн А. Я. Дневниковые записи // РГАЛИ, фонд 2546, оп. 1, ед. хр. 62.

¹⁰ РГАЛИ, фонд 2546, оп. 1, ед. хр. 62.

¹¹ Дело о службе инспектора Еврейского Учительского Института Штейнберга Овсея. 1873 // Литовский государственный исторический архив, ф. 567, оп. 415.

¹² Литовский государственный исторический архив. Ф. 567, оп. 1, ед. хр. 908.

¹³ Литовский государственный исторический архив. Ф. 567, оп. 1, ед. хр. 1327.

¹⁴ РГАЛИ Фонд 2546, оп. 1, ед. хр. 62.

¹⁵ В 1920–1940 годы А. Я. Бруштейн по преимуществу занималась драматургией; ей принадлежит более шестидесяти пьес; большинство из них ставилось на сцене Ленинградского ТЮЗа. Об этой стороне деятельности Бруштейн см.: [Турков 1966, с. 19–42].

¹⁶ РГАЛИ, фонд 2546, оп. 1, д. 62

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, оп. 1, д. 83; письмо датируется 18 июня 1964 г.

Источники

Бруштейн А. Я. Дорога уходит в даль. Кишинев: Литература артистикэ, 1987.

Бруштейн А. Я. Голубое и розовое. М., 1939.

Бруштейн А. Я. Страницы прошлого. М.: Искусство, 1952.

Выгодский Я. Воспоминания, 1923 (евр). Русский перевод цит. по: Рафес Ю. Первый в мире союз врачей-евреев (г. Вильно). URL: <http://berkovich-zametki.com/2007/Starina/Nomer4/Rafes1.htm> (дата обращения 17.06.2014).

Корчак Р. Пламя под пеплом / пер. с иврита О. Минц. Тель-Авив, 1977.

Литовский государственный исторический архив. Ф. 567.

РГАЛИ, фонд 2546.

Турков А. М. От десяти до девяноста: о творчестве А. Я. Бруштейн. М.: Детская литература, 1966.

Исследования

Гельцер Ш. Жизнь и деятельность доктора Якова Выгодского [Электронный ресурс] // Евреи в меняющемся мире: материалы III междунар. конф. Рига, 25–27 октября 1999 г. / под ред. Е. Брановера и Р. Фербера. Рига. Фонд «Шамир» им. М. Дубина. URL: http://www.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/projekti/jsc/konferences/1999/2-21.pdf (дата обращения: 24.08.2014).

Гуревич В. На ледяном краю Ойкумены [Электронный ресурс]. URL: <http://berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer9/Gurevich1.php> (дата обращения: 24.08.2014).

Кудринский Ф. А. К биографии И. А. Гончарова // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / отв. ред. Н. К. Пиксанов. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 86–95 (Серия литературных мемуаров).

Чудакова М. О. Избр. работы. Том I: Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001 (Studia philologica).